ВСЕЙ СИЛОЙ СЛОВА

Дорогие товарищи, друзья!

Выступление Федора Абрамова на VII съезде писателей СССР

Еще совсем недавно, каких-то 30 лет назад, нам, участникам великой битвы с фашизмом, яростным романтикам и мечтателям, казалось, что мы навсегда покончили с самым страшным злом человечества — войной и что отныне на нашей планете наконец-то наступит вожделенная эра гуманизма, здравого смысла и взаимопонимания.

Увы, этим надеждам не суждено было оправдаться.

Небывалая гонка вооружений, все новые и новые военные очаги, которые то тут, то там сотрясают земной шар, всевозможная политическая и духовная демагогия, затемняющая и растлевающая умы людей... Да надо ли перечислять все то, что хорошо известно каждому? Надо ли подробно распространяться о болезнях века, которые способны привести в отчаяние самого убежденного оптимиста? Мы живем в такое время, в такую эпоху, когда могут сбыться самые мрачные библейские пророчества, и потому сегодня нет важнее дела, чем объединение всех гуманитарных, всех духовно активных и миролюбивых сил земли, о чем с такой озабоченностью говорилось в недавнем Обращении Верховного Совета СССР к парламентам и народам мира, и потому сегодня особое, воистину историческое значение приобретает разговор о литературе, о духовной и нравственной силе слова — этого главного оружия человека даже в наш ядерный век.

О достижениях советской многонациональной литературы с этой трибуны говорилось уже немало, и не лучше ли для пользы дела поговорить о том, что мешают и ослабляют наше слово.

Всем хорошо известно, что у нас, как ни в одной другой стране, издается великое множество книг, что у нас самый читающий народ в мире. Но только ли радость вызывает книжный бум, который мы сегодня переживаем? В мире вещей вкус наших людей явно возрос, сегодня никто уже не хочет покупать плохих, некрасивых вещей, того унылого ширпотреба, которым завалены наши прилавки. А плохие книги, литературный ширпотреб? Не говорит ли переизбыток их о петребовательности, о полуобразованности и эстетической глухоте некоторых издателей, критиков и читателей? Хорошая, талантливая книга, хороший талантливый спектакль — и это старая истина — редкость. Но всегда ли мы должным образом оцениваем их, всегда ли получаем от них должную информацию самый широкий, массовый читатель и зритель? Не разучились ли наша пресса и наши критики воспринимать подлинное искусство как большой праздник, как большое событие в духовной жизни общества? Стало обычным, когда в литературных докладах, статьях, отчетах в один перечислительный ряд попадают и выдающиеся произведения, и произведения «середины», а то и просто однодневки. Происходит инвентаризация, уравниловка, лучшее тонет, растворяется в потоке серости. И надо ли говорить, что это запугивает и даже оглушает читателя?

Виктор Курочкин. Кто не знает его повести «На войне как на войне», одного из самых блистательных произведений о минувшей войне? А недавно захожу в книжный магазин в одном маленьком городке — и целая полка книг с этой повестью, которую бы с радостью приобрел знающий читатель.

Много хорошего сделала «Роман-газета», самое массовое наше литературное издание, много выпустила первоклассных книг. И в то же время та же самая «Роман-газета» сколько гонит всякой многоверстной макулатуры и сериалы, которые на местах нередко принимают чуть ли не за советскую классику! На страницах «Роман-газеты», к нашему стыду, не нашлось места для «Призывного дела» и «Плотничьих рассказов» Василия Белова, этих несравненных жемчужин отечественной литературы.

Величайшее завоевание революционно-демократической критики — реальная критика, выверка литературы жизнью. Из обычных, примелькавшихся явлений жизни, изображенных в книге, они умели извлечь такую социальную суть, сделать такие столь далеко идущие выводы, что произведение получало новую жизнь, включалось в контекст самых жгучих, самых актуальных проблем современности. «Ася» Тургенева. Банальная любовная история. А что вычитал из нее Чернышевский? Приговор либеральному деятелю своего времени, тьму проблем и вопросов, касающихся русского национального характера.

Понимаю, мы живем в другие времена. И все же где у нас реальная критика? Ведь не считать же за образец одной недавнюю дискуссии на страницах «Литературной газеты» о так называемой деревенской прозе, некоторые из участниц которой, похоже, в глаза не видели живой современной деревни, а то на голую землю и с асфальта-то на голую зем-

лю никогда не ступали. А ведь судят, да еще как громко-гласно!

Сегодняшний читатель жадно тянется к книге, ищет в ней ответы на самые важные, самые большие и трудные вопросы современности. Но всегда ли мы, писатели, даем на них ответ, вкладываем в протянутую руку полноценный хлеб? Всегда ли мы сами на высоте глобальных задач века? И не потому ли люди все больше и больше тянутся к разного рода транквилизаторам и допингам, что не находят духовной поддержки, духовного очищения в слове? Не потому ли такую власть обрели над людьми вещи? Не потому ли и саму-то книгу подчас превращают в окаменелую вещь престижно-декоративного назначения, в предмет купли и продажи?

За последние годы в литературе нашей сильно повысился интерес к нравственным проблемам, к духовному миру человека с его такими древними, но вечно живыми понятиями, как совесть, доброта, сочувствие, сострадание, милосердие, жалость. И это не случайно, так как все эти понятия долгое время у нас были, мягко говоря, не в почете, нередко зачислялись по департаменту патриархальщины, а то и вовсе третировались.

Но та же совесть, скажем, та же доброта, то же сострадание и безмерная любовь к ближнему — разве все это не духовная основа каждого народа, каждой нации?

Да, поворот литературы к вопросам нравственности, души можно лишь приветствовать, тем более что исторический опыт показал, что перестройка, обновление жизни только социальными средствами, не подкрепленные нравственной, душевной работой каждого человека, не могут дать желаемых результатов. Но вот беда наша — очередная крайность: нравственное начинает теснить социальное, гражданское, принимать самодовлеющий характер, а порой даже превращается в моду. Больше того, послушать иных умников, так социальное, гражданское чуть ли не профилейный этап, а скажем, такая штука, как политика, так и вовсе признак примитивности, безвкусицы.

Величайшее заблуждение!

Нравственность вне социального, гражданского, вне насущных проблем жизни, которыми живет страна, народ, партия, нравственность, наконец, вне политики, которая стала одной из самых главных сфер бытия человека XX века. Такая нравственность — пустая, безнравственная болтовня.

В иных романах, повестях, пьесах герои часами ведут так называемые высокоинтеллектуальные, высоконравственные, высокофилософские разговоры о творчестве, о смысле человеческой жизни, о необыкновенной любви и при этом не очень внятно, стыдливо — о сегодняшнем дне, о действительных болях и заботах, которыми живет страна, народ. Да ведь это душевный стриптиз, игра! Игра в нравственность, игра в интеллектuaлизм, игра в философствование! Короче, непозволительная спекуляция на самом святом и важном. И пора, давно пора повести решительную борьбу с инфляцией, с обесцениванием высоких понятий, вернуть им подлинный смысл и весомость.

В вопросах нравственности нам не мешает почаще вспоминать уроки Льва Толстого, который всю свою жизнь страстно, неустойчиво и непримиримо восвал за нравственную активность человека. Великий писатель всегда, в пору самой мрачной реакции вел непрекращающийся поединок с депотизмом, с самодержавием — достаточно вспомнить его знаменитую статью «Не могу молчать».

Нравственная активность человека, способность быть верным голосом совести и справедливости — не в этом ли подлинный героизм? Героиизм непоказной, некрикливой, который еще мало понят и оценен нами.

В нашей литературе и критике обычно преобладает одностороннее и потому упрощенное понимание героического, когда героя наделяют чуть ли не всеми возможными и невозможными добродетелями и даже сверхчеловеческими качествами и тем самым умаляют, недооценивают противника, а нередко и оглушают его, одним словом, умаляют те трудности и сложности, которые преодолевает герой.

Казалось бы, ясно как божий день: подвиг человека, подвиг народа измеряется масштабом страданий, мерой жертв и страданий, которые он приносит на алтарь победы. А у нас то и дело слышишь голос перепуганного перестраховщика: это сгущение красок, это очернительство, это снижение героического облика народа... Да, чернят и унижают народ перестраховщики, лжедрузья, те, которые разного рода вытесняют

кладками и обертками крутых спусков и поворотов истории обесценивают и умаляют народный подвиг!

Мы не имеем права замалчивать, упрощать все сложности и трудности нашего исторического пути. Не объясним мы — объяснят другие, только объяснят по-своему. Мы не скажем своим голосом всей правды — скажут другие «голоса», только скажут по-своему. Писатель по характеру труда своего должен быть смелым, критик — смелым трижды.

В связи с разговором о героическом позвольте сделать маленькое отступление о скульптуре, на примере которой можно нагляднее проиллюстрировать то, что хочу сказать.

Это хорошо, это радует нас, что патристический подвиг нашего народа в минувшей войне все больше и больше увековечивается в мраморе и бронзе. Но нет ли и тут порой некоторого однообразия? Воин-богатырь, воин с горой мышц, но всегда ли в нем выражен богатырский дух, душа человеческая? Не знаю, кто как, а я давно мечтаю о таком памятнике, в котором был бы явлен солдат-освободитель, каким он был въяве, — самый обыкновенный, самый земной, вдалась, по завязку хлебнувший всякого военного лиха, — человек, годами живший в обнимку со смертью и не разуничившийся быть человеком. Вот такому солдат-освободителю сызнова и сызнова поклонился бы весь мир. Все люди. И те, которые прошли через войну, и те, которые не знали ее.

Не скрою, хотелось бы, очень хотелось бы, чтобы и Мать-Родина, запечатленная в многочисленных меморналах, приняла бы более земной, более человеческий и, если хотите, даже более национальный облик — облик русской матери, облик матерей-украинок, облик матерей-белоруски, матерей-грузинок, матерей-казашки и т. д. и т. п.

Прошу понять правильно: я все не против монументальности в монументальной скульптуре. Я только против однообразия, против ложного, пустого монументализма. Давид Сасунский в Ереване — разве это не прекраснейший, исполненный эпической мощи и силы образ-символ героического народа? А как бесподробно как впечатляюще передана в камне мертвящая, стопудовая тяжесть царского деспотизма в конной скульптуре Трубезкого — Александр III!

Любовь к слову, понимание красоты и силы его закладываются с детства — в семье, в детском саду, в начальной школе. И потому должен быть особый спрос с литературы для малышей, с детских издательств и особенно с хрестоматий, с «Родной речи».

К сожалению, «Родная речь» оставляет желать лучшего. Два стихотворения Пушкина для первого класса — не маловато ли?

Классики, классики. И Пушкин, Пушкин — отец наших душ. Это должно быть неизблемой основой всех школьных хрестоматий. Как хлеб, как воздух, как вода. Ведь именно классики — связующая духовная нить разных поколений.

В последнее время я получаю много писем от словесников средней школы, и в них один крик, один стон: помогите спасти уроки литературы. С каждым годом в программы средних школ вводятся все новые и новые дисциплины и вводятся за счет литературы.

Пора всем понять: перегрузка школьника всевозможными предметами и недогрузка его родным словом могут обернуться самыми серьезными последствиями, особенно в наш век всеобщей технизации и усыхания сердца. Ну, будут, будут у нас физики, будут математикки, будут иные специалисты, а человек-то, будет ли человек-то?!

Преподавание литературы в школе это, конечно, не только часы, учебники, но и учителя, а значит, педагогические вузы, которые готовят учителей.

И об этом нам, писателям, надо говорить всерьез и обстоятельно, ибо, по моему глубокому убеждению, преподавание советской литературы в вузах вызывает еще большую тревогу.

XX век подводит свои итоги, и сделать их обнадеживающими — это завист и от нас, писателей.

Слово всегда было путеводной звездой человечества. В слове сокрыта самая великая энергия, известная на земле, — энергия человеческого духа. Словом создавалась культура, словом ковалась вера, ковались идеалы, слово двигало народы в борьбе за равенство и братство, подымало на революции. И сегодня, в век неслыханной, небывалой спекуляции словом, лишь нам, писателям, дано вернуть слову его изначальную мощь и силу.

Собывая властно требуют гражданского мужества и активности каждого человека. Только силой духовного единства миллионов, всего человечества можно противостоять ядерному безумию и отстоять жизнь на Земле. Так будем же достойны той великой миссии, которую возложило на нас время.